

После заседания суда, император Chongzhen послал охранников пера к светлой скорости захваченных Чэнь Янь, Чжоу Яньру, Чэнь Синьцзя, а также обезглавленные те министры дома, будут конфискованы все серебро унесенное к городской стене, для того чтобы поднять военный дух.

Команда охранников Юй Линь усердно несла сотни коробок серебра, сваленных на голову городу, коробки сбрасывали, а белое серебро внутри мгновенно вытекало, образуя маленькую серебряную гору.

Защитники города внезапно открыли глаза широко, глаза уставились прямо на ослепительный цвет, словно уставились на обнаженную девушку, время от времени раздавался звук перекачивания горла.

Так много серебра, так заманчиво!

Евнух Ван Чжисинь, евнух города, держал в руке императорский указ и громко сказал: "Его Величество диктует, что все эти серебряные монеты ваши, и каждый имеет долю в национальной катастрофе, поэтому я надеюсь, что вы сможете бороться за защиту столицы!".

Все солдаты выглядели буйно и кричали: "Клянусь убивать воров и защищать столицу"!

"Убейте вора!"

"Убейте вора!"

Сердце армии было сильно оживлено, и сердце царя было наполнено радостью.

В середине часа нарушители снова стали нападать на город, и приливная волна смертельных криков нарушителей сотрясала небеса и переполняла городские стены, и время от времени возводились лестницы.

Стрелы были похожи на летящую саранчу, летящую в небе, и стримеры лились и падали в город, и звук пушек слышался один за другим.

В связи с ограниченным хранением боеприпасов в городе, звук пушек в городе истончался, и Чжан Шизе закричал: "Залезай на золотой сок!".

В кипящем котле вонь навоза, смешанная с мышьяком, устремилась к небесам, и охранник в маске и с трудом держал навозную ложку, подошел, зачерпнул навозный сок, измельчил его и вылил под воздвигнутую лестницу.

"А!"

Вниз наливался кипящий навозный сок, сиявший золотисто-желтым светом, а внизу - жалкий вой.

Некоторые из злоумышленников спереди упали с лестницы и упали на землю, некоторые даже закрыли лица и завывали в ров рядом с ними.

Чжан Шизе был слишком занят, чтобы смотреть, и еще одна большая группа злоумышленников подошла к подножию города, их было довольно много, и он заревел: "Керосин! Десять тысяч врагов! Чжэньтянь Лэй! Все готово!"

Защитники столицы упрямы, эта волна злоумышленников атакует и терпит неудачу, звук

звучащего золота с тыла, как великая амнистия, злоумышленники отступают, бесчисленные пары больших ног, из трупов своих товарищей.....

Тем не менее, это было временное отступление, и вскоре после выстрела из пушки очередная волна голодных солдат перешла в наступление.

Генерал-нарушитель Лю Зонгмин сказал, что войдет в город в первый день августа, однако к шестому дню августа полмиллиона нарушителей атаковали шесть дней подряд, лишь разгромив внешний город и до сих пор не поколебав оборону города.

Главной силой, защищающей столицу, была новая армия, такая как Божественный Цибатальон, Божественный Пивот-батальон и гвардия Юй Линь, плюс другие батальоны с некоторой боевой мощью составляли всего 40 000 человек, однако после нескольких дней кровопролитных боев защитники были очень сильно ослаблены.

Среди различных подкреплений, шансийский генерал-солдат Ван Ваньянь и Миюньский генерал-солдат Ван Тинчэнь привели почти десять тысяч остатков войск в Лянсяне к атаке в тылу вторгшейся армии, а У Санги также добрался до Ютяна, более чем в двухстах милях от столицы, но его скорость ничем не отличалась от скорости черепахи.

У ворот Чаояна маркиз Гу Чжаотуо только что убил волну злоумышленников, но прежде чем вздохнуть с облегчением, он услышал только бесчисленное количество людей, бегущих по городу, и кто-то кричал: "Чжан Бэйтан открыл ворота, чтобы предложить город!".

Туловище тигра Гу Чжаотиана дрогнуло, волосы его тела взорвались, он был чрезвычайно зол и издал душераздирающий рев: "Цзиньтянь Чжан! Ты, собачий вор, не умрёшь!"

Многочисленные вторгшиеся войска вторглись в Восточный город, войска Мин, защищающие город, были в ужасе и рассеяны, даже защитники над Дунчжименом были вынуждены оторвать свою форму и бежать в город.

В город сбежали даже защитники Дунчжимена, даже генерал военного министерства дезертировал к врагу, и войска были немедленно рассеяны и убежали.

Когда вторгшиеся войска высадились на берег города один за другим, Гу Чжаотиан, с мечом в руке, завывал и бросался вперед, чтобы порезать и убить, и вскоре он был окружен вторгшимися войсками.

Окружающие его маркизы упали один за другим, и тело Гу Чжао Тракера было покрыто ранами, с множественными отверстиями.

"Страдать от смерти!"

Злоумышленник держал в руках копье, его лицо было полным жути, и пришел зарядить его громким криком, копье мгновенно прорвалось сквозь доспехи и пронзило глубоко в его тело.

Гу Чжао следы кровавых сгустков во рту вытекли в большом количестве, пошатнулись назад и мгновенно почувствовали только легкость, как будто все его тело вот-вот взлетит на воздух.

Со всеми вытекающими из его тела силами Гу Чжаотиан медленно закрывал глаза, его разум возвращался к жизни, которую он в детстве прожил в столице с группой благородных сыновей и дочерей, и только в эти дни он по-настоящему испытал тяготы предков, когда они установили свои заслуги.

В Сюйчжимень, где скапливались горы трупов, к городу поднялся устойчивый поток навязчивых солдат и пешек, чтобы захватить и убить британского герцога Чжан Шизе.

У защитников не было желания драться и они сбежали, сорвали с них униформу.

Чжан Шизе сражался на улице коротким мечом, но его телохранителей становилось все меньше и меньше, и все они погибали в бою.

Видя, что ситуация закончилась, Чжан Шизе ворвался в горячие слезы и вырезал на городской стене стихотворение: "Моя амбиция - небесная".

Он расставил доспехи, отдал дань уважения направлению Запретного города, убил себя мечом и был замучен.

Ворота столицы падали один за другим, или гарнизон открывался автоматически, и Сюй Юньчжэнь, герцог Динго, который охранял Дэшенгменов, был окружен плотной массой вторгающихся солдат.

В старый лагерь ворвалась группа злоумышленников со свистом, острым свистком разбивающего ветер, и на большой скорости были брошены несколько тяжелых копий, пробивавших позолоченные доспехи Сюй Юньчжэня.

Сюй Юньчжэнь приглушил несколько ворчаний, его тело качалось, едва держась за стену, чтобы стоять твердо, глядя на кровь на его теле, капли и капли брызнули вниз, он посмотрел на небо и издал последний звук: "Ваше Величество, министр, отрицательная благодать!".

Императорский дворец Запретного города, Чунчжэнь намеревался провести обед.

Императорский евнух Хан Сан бросился бежать, чтобы доложить: "Ваше Величество, внутренний город пал, бандиты вот-вот нанесут удар по императорскому городу!".

Чунчжэнь очень спешил: "Как мы потеряли контроль? А как же мой божественный лагерь машин и мой божественный лагерь шарниров? Где Хулинвей? Где почётные люди, которые охраняют город?"

Хань Сан заплакал и ответил: "Министр внутренних дел Чжан Цзинянь открыл дверь, чтобы предложить город, Божественный Поворотный батальон и гвардия Юй Лин были избиты до смерти, Пекинский батальон был забит, британский герцог Чжан Шизе погиб в бою, герцог Сюй Юньчжэнь из Динго погиб в бою, а Сянчэн Бо Ли Гуожэнь сдался вместе с Божественным батальоном!".

Чунчжэнь внезапно обрушился на императорский трон, славный императорский дворец, вчерашние пятна крови еще остались, но больше нет министра.

В первый раз, когда я был в комнате, я подумал, что увижу тебя там.

Думал, что этих голов хватит, чтобы отпугнуть придворных и вместе серьезно поработать над защитой столицы, но этот пёс Чжан Цзинян всё равно предал себя!

Звонит придворный колокол, и никто не отвечает, и в этот момент Чунчжэнь действительно сожалеет, что не убил их чисто!

Ван Чэнэнь и несколько других евнухов молча стояли позади него, все еще с жалким

взглядом на их лицах.

В первый раз, когда я был в больнице, я был посреди ночи. Такого рода унижение, такой-то поношенности, такой-то сжимающейся, летящей ночью жизни, даже если выживаешь как частное лицо, - это великое унижение"!

Ван Чэнчжэнь закричал: "Ваше Величество, спрятавшись в фольклоре лишь ненадолго, давайте медленно пойдём на юг, пока Ваше Величество едет в Нанкин, я все еще в праведности династии Мин!".

Чунчжэнь в отчаянии сказал: "Князь, он в Нанкине, то есть в православии, если бы он мог меня принять, он бы пришел мне на помощь, он этого не сделал!".

В конце концов, он сказал со всеми своими мыслями: "Я не буду собакой, которая потеряет свою семью, я буду жить и умирать с этим Запретным Городом!".

Ван Чжисинь прибежал с большими шагами и в панике сказал: "Ваше Императорское Высочество, идите быстрее, воры уже убили Императорский Город!".

"Ваше Величество, убирайтесь отсюда!" Люди были заняты горькими советами друг другу.

Ван Дехуа сказал: "Ваше Величество, сначала быстро эвакуируйтесь из ворот Сюаньву, а я приведу людей к полуденным воротам, чтобы заблокировать отставших за вас".

Он побежал из дворца к окружающим евнухам: "Черт возьми, это человек, просто следуй за нами!"

В первый раз, когда я был в городе, я должен был поехать в город, чтобы увидеть город.

В первый раз, когда я была в больнице, я должна была поехать в больницу, и я должна была поехать в больницу.

Первое, что вам нужно сделать, это посмотреть вниз на весь Запретный город, увидеть городские огненные маячки и свечи, и много думать.

В прошлом, когда я был в больнице в первый раз, я был в больнице, и я был в больнице.

В то время кронпринц поклялся разделить заботы своего императора и однажды пойти в бой, чтобы убить своих врагов и выровнять небо.

Как будто Чунчжэнь все еще слышал, как пятьсот гвардейцев Восточного дворца кричали Да Мин Ван Шэн на школьном поле.....

Чунчжэнь потерял глаза и пробормотал: "Ты сильнее меня..."

В это время в его сердце не было обиды, и оказалось, что многие вещи были его собственными проблемами, но, к сожалению, больше не было возможности для отца и сына сесть вместе и говорить от сердца.

Чунчжэнь ходил с верой по холму Вива, настроение было гораздо более расслабленным, он не хотел убегать от идеи, пусть Ван Чэнчжэнь несколько евнухов горько уговорили, но и безразлично.

В первый раз, когда я был в больнице, я должен был поехать в больницу, а затем я поехал в больницу.

Чунчжэнь посмеялся над собой и сказал себе: "Это кривошелое дерево, о котором говорит принц, какое провидение..."

Задержавшись надолго, он, в конце концов, подошел, снял ремень с халата, снова снял лацкан и укусил палец, чтобы написать на нем свой последний указ.

"Я царствовал десять лет и шесть лет, (семнадцать лет в истории, книга за полгода вперед) худошавые бандиты кланяются, приглашают небесные преступления, трижды вызывают пленников на материк, восстание прямо в столицу, придворные меня неправильно поняли, у меня нет лица, чтобы увидеть моих предков в земле, с волосом на лице и умереть, пусть воры расколотят мое тело, не навредите моему народу".

Ван Чэнэнь был занят удручающим вопросом: "Чего вы хотите, Ваше Величество?"

Ван Чжисинь и Хань Сан также выглядели опустевшими, со слезами на глазах и плакали, чтобы отговорить их.

Чунчжэнь посмотрел на темное небо и вздохнул: "Смерть правителя страны - это праведность древнего и современного времени, решил я, не надо говорить больше".

В это время на Гору Долголетия спешно полетела команда из примерно десяти человек, к старой саранче со стороны спешки, люди внутри одеты в таинственно прочные одежды, бронзовую кожу, лицо холодное светлое.

Внезапно увидев, что несколько незнакомых людей пришли прямо, Чунчжэнь и Ван Чэнэнь и другие люди поражены, Ван Чжисинь выпил: "Кто ты такой? Это жулик!"

Молодой человек во главе группы подметал их четверых, в конце концов, закрыв глаза на замаскированного Чунчжэня, который был бесцеремонен и холодно вернулся, "Нет".

Другая сторона не была жуликом? Ван Чжисинь и остальные вздохнули с облегчением и несколько нерешительно сказали: "Тогда кто же ты?".

Все десять юношей были без выражения ни печали, ни радости и держали рот на замке.

Лидер дал ему беглый взгляд, затем медленно подошел и сказал Чунчжэнь: "Ваше Величество, пожалуйста, пойдемте с нами в Нанкин!"

Сердца людей светлые, это человек Принца!

Сердце Чунчжэня расслабилось, но он снова спросил: "Принц послал тебя спасти меня?".

"Точно!"

Ван Чэнэнь сказал: "Имперская гвардия принца"?

Человек покачал головой.

"Лонгчамп не берет ночи?"

Ван Чэнэнь отвечал за Восточную фабрику и в частном порядке располагал некоторой

информацией, зная две основные разведывательные системы Принца.

Человек все еще качал головой, как будто не удосужился обратить внимание на Ван Ченгена, все еще смотрящего на Чунчжэнь, и снова сказал: "Пожалуйста, Ваше Величество, следуйте за мной в Нанкин!".

Другая сторона тела очень сильная, каждая с хоккейной клюшкой, и говорил коротко, Ван Чэнэнь смотрит на них не очень хорошая щетина, текущие также не осмеливаются задавать вопросы.

Первое, что тебе нужно сделать, это избавиться от всех людей, которые были там в течение многих лет. Говори и я тебя отпущу!"

Человек несколько секунд молчал и, наконец, произнес слово в слово: "Тень Его Императорского Высочества Наследного Принца, Охранника Подземных Драконов!"

Хотя я не знаю, когда эта подземная Стража Дракона была создана наследным принцем, но похоже, что она очень мощная, и Чунчжэнь кивнул о так много.

Как только он увидел все больше и больше злоумышленников у подножия горы, Чунчжэнь сказал: "Вы, ребята, возвращайтесь, я не уйду".

Сказав это, он продолжил подрезать кривошею дерево, готовое повеситься на юго-восточной ветке.

Шучу, какой смысл идти в Нанкинг! Чтобы быть высмеянным и оставленным умирать! Я, Чжу Юйань, не хочу потерять лицо?

Начальник подземной охраны нахмурился, помахал рукой и сказал: "Упакуйте все!".

"Эй! Что ты делаешь?"

"Смелый!"

"Недотрога!"

"Как ты смеешь, я..."

Член Подземной Охраны Драконов вышел вперед и ударил кулаками: "Ваше Величество, я оскорблен".

Сказав это, он ударил Чунчжэня по шее, и Чунчжэнь тут же потемнел и потерял сознание.

Хань Сан, Ван Чжисинь и Ван Чэнэнь, три евнуха, все еще шумели, в результате чего их всех положили в мешки и унесли.

.....

У ворот Чжэньяна в Пекине, рев шагов и флагов, Дашуньская армия вошла в торжественную колонну с аккуратными ступенями, толпой Дашунь Юнчжаньского императора Ли Цзычэна в Пекин.

Под несколькими импровизированными желтыми зонтами Ли Цзычэн, одетый в туманную шляпу, скакал на избитой лошади и держал сотни прекрасных всадников, смотрящих свысока

на жителей столицы, которые держали ладан по обе стороны улицы.

"Да здравствует Император Да Шун!"

"Вива!"

Первым его приветствовал военный министр Чжан Цзинянь, который открыл дверь в город.

Чжан Цзинянь взглянул и заметил торжественность солдат и лошадей Да Шуна, опустился на колени, держа ладан высоко и крича: "Да здравствует император Да Шун!"

Ли Цзычэн даже не взглянул на него и привел свою армию к Вратам Даминга.

Правая рука военного секретаря министерства Ван Цзянь подала крик скорби и спрыгнула с городской стены.

Ван Цзянь был настолько полон решимости умереть, что пошел в пустые комнаты близлежащих жителей и повесился.

Слуга Ван Цзяня в конце концов тайно похоронил оставшуюся часть своего тела.

По дороге в Запретный город Ли Цзычэн был так взволнован, что посмотрел на арку Чанъянь перед собой и вдруг засмеялся над небом, сказав: "Если лоб можно будет выстрелить в среднего персонажа, то во всем мире будет мир".

Старый Ли был очень уверен в своей технике стрел в сто шагов, и как только его голос упал, он бросился на лошадь, согнул лук и стрелы, и с свистом стрела вылетела.

Как раз в тот момент, когда мы стали свидетелями чуда, стрела пролетела в гофрокартон над аркой, и сцена была такой неловкой.

В этот момент гадалка Сун Сяньцзе шагнула вперед и громко сказала: "Стрела была выстрелена в канаву, а Хуай - границей", и таким образом помогла Ли Цзычэну выбраться.

Услышав это, лицо Ли Цзычэна было немного лучше, принц Даминга все еще находился на юге реки Янцзы, разве это не граница с рекой Хуай?

Ли Цзычэн думал, что его рука соскользнула и промахнулась, и он хотел попытаться снова спасти лицо, поэтому он сделал то же самое снова, указав на четырех персонажей "Ворота Чэнтяна" и сказав окружающим генералам: "Если я могу быть хозяином мира, я ударю по центру четырех персонажей одним выстрелом! "

Боже милостивый, вот опять!

Люди не хотят портить ему веселье, поэтому они должны согласиться, молясь в то же время, не смущайтесь на этот раз, это будет записано в книгах по истории, наш Дашунь нелегко очаровать один раз, сегодня большой день не может позволить себе потерять этого человека.

Еще один чрезвычайно кокетливый выстрел с изогнутым луком, заставляющий стрелу великолепно вылетать после позирования, Ли Цзычэн издал низкий крик.

Тем не менее, он, казалось, действительно из его стихии, и эта стрелка пропустила снова, попав в нижнюю часть неба характер, почти стреляя пустым, не касаясь края.

Сцена была настолько молчалива, что даже лошади старой батальонной кавалерии сзади не осмеливались храпеть.

Ли Цзычэн был одурманен и безмолвен, его старое лицо было полностью подмигнуто капюшоном, его стеклянное сердце чуть не разбилось вдребезги, супер смущенно!

Видя, что босс не может реветь, люди быстро выходят, чтобы снять осаду, на этот раз говорить является прочной культурной основой Ниу Цзиньсин, только чтобы услышать, как он скажет громким голосом: "Посредине его нижней, середины мира!".

Как только это было сказано, окружавшие генералы сразу же аплодировали, а Ли Цзычэн тоже превращал свои заботы в радость и молча воздавал ему хвалу.

Ли Цзычэн вел свои войска в служебную зону шести зданий суда у ворот Чэнциана, и все чиновники университетского ученого Вэй Заоде немедленно распрямили одежду и встали на колени, чтобы поприветствовать его, крича "Да здравствует император Юнчхань из Дашуна".

Когда Мэн Чжаоксян, правильный помощник министра юстиции, увидел эту сцену, он молчал, медленно вытащил меч и покончил жизнь самоубийством.

Начальник Ван Чжан также стоит головой на стене, чтобы умереть, решив не следовать за вормом.

Конец полки Ли Цзычэна очень полон, до сих пор игнорирует эти собачьи чиновники в его глазах, ни слова не говоря уже о том, чтобы продолжать двигаться вперед.

Во второй половине дня Ли Цзычэн посмотрел на два больших слова на табличке на полуденных воротах, на этот раз не осмелился снова притвориться, прямо со своими генералами в Запретный город.

В это время Ван Дехуа вел триста евнухов в этот прием на коленях, а также представился.

Ван Дехуа, евнух, который охранял полуденные ворота, первоначально предназначенный для совершения самоубийства, а также, он сначала повесил белый шелк на воротах, чувствуя, что повешение будет уродливым способом умереть, поэтому он изменил, чтобы прыгать и падать на смерть с тридцатиметровой башни полуденные ворота.

Тем не менее, когда он протянул одну ногу от стен, он сразу же сократился обратно, и неоднократно вытягивал свои ноги не посмел прыгнуть вниз, сказав, что он боится высоты.

В то время Ван Дехуа кричал самоутешение: "Император не знал, куда идти, мы не можем умереть, должны оставить это полезное тело, чтобы продолжать служить императору".

Ли Цзычэн изначально имел особое пристрастие к евнухам, см. Ван Дехуа выглядит справедливо, поэтому он приказал, как обычно, в ведении Si Lijian, остальные 24 евнухов пальмовой печати евнухов, если на коленях приветствовать, приостановлены в соответствии с предыдущими официальными позициями.

Ван Дехуа сразу же заполз на землю, закричал: "Император, раб раб, будет посвящен работе милости императора!"

Ли Цзычэн услышал эту новость и уехал довольным, не мог дождаться, когда отправится в Императорский дворец.

Услышав, что отступники вошли во дворец, люди повсюду шумели, и Фан Цзинвен, университетский ученый и министр общественных работ, воскликнул: "Как министр, я не смог истребить отступников и отомстить за свою смерть".

После этого он трижды котовал в направлении Запретного города, сочинил еще два стихотворения, и, наконец, пошел к могиле отставной очереди, которой поклонялся действующий слон, прыгнул в древний колодец рядом с храмом Башен-близнецов и умер.

Министр доходов Ни Юаньлу вздохнул у себя дома: "Страна в данный момент, и у меня более чем достаточно ответственности, чтобы умереть".

Он всей своей одеждой и короной поклоняется Царице, север благодарит Сына Божьего, юг благодарит мать, в учебном загоне вниз несколько строк больших слов: "умереть, чтобы поблагодарить страну, это вопрос долга, после смерти не хоронить, будет насиловать мое тело снаружи, просто, чтобы выразить внутреннюю скорбь".

В конце концов, Ни Юаньлу взял шелк и повесился.

Ши Бон Яо, левый наместник королевского историка, услышал, что бандиты вошли во дворец, и заплакал во весь голос: "Ваше Величество, у меня нет стратегии для выполнения этой трудной задачи, но я должен отплатить своей преданностью доброте моей страны".

Сразу же развязал пояс для одежды и повесился, когда несколько слуг увидели ситуацию и поспешили его спасти.

Ши Бон Яо был спасен и сразу же сказал ненавистным голосом: "Ты ошибся во мне!"

Он пил слуг, чтобы купить мышьяк, и смешивал его с вином, чтобы покончить с собой.

.....

В этот день официальные лица Пекина встали на колени, чтобы поприветствовать Ли Цзычэна очень много, также много мучеников, министр общественных работ Фань Цзинвэнь, военный министр Ван Цзянь, министр юстиции Мэн Чжаосян, столичная полиция Ши Бан Яо, левый заместитель королевской истории, министр храма Дали Линьцин, министр постоянного храма У Линчжэн и другие десятки людей - все это за сердце праведной мученической смерти.

Кроме чиновников, есть еще Синьле маркиз Лю Вэньбин, зять императора, например, губернатор Гун Юнгу, вся семья покончила жизнь самоубийством, но большая часть королевской семьи все же решила сдаться Ли Цзычэну, молясь о сохранении богатства.

Ли Цзычжэн входит во дворец с расцветом и с тревогой спрашивает евнухов и служанок во дворце, где находится император Чунчжэнь.

Никто во дворце не знал, все качали головами, Ли Цзычэн был в ярости, приказал срубить несколько, но все равно не мог спросить у императора, где он находится.

Сердце Ли Цзычэна очень расстроено, я не видел, как выглядит император, он хотел выпить немного вина с императором, чтобы поболтать, поговорить об опыте работы на почте, а затем сказать несколько слов, чтобы сыграть вынужденное что.

Теперь, когда он никого не смог найти, план был, блядь, разрушен!

Вторгшиеся войска прошли через весь Запретный город, но не смогли найти никаких следов императора Чунчжэня, и даже легендарной красоты гарема не хватало одного.

Li Zicheng за Niu Jinxing, Liu Zongmin и другие люди выглядят сложными, император, императрица, благородный супруг и другие люди все исчезли, даже два принца и две принцессы тоже исчезли, это нехорошо!

Ниу Цзиньсин сказал: "Ваше Величество, пожалуйста, немедленно прикажите заблокировать все городские ворота, чтобы не дать им сбежать"!

Ли Цзычэн также знает, что это важное событие, к которому нельзя относиться легкомысленно, поэтому он приказал: "Немедленно заблокируйте все выходы из столицы, установите часовые во всех местах города, повсюду разместите объявления, есть жертва императора, князя, супруга, награждаются десятью тысячами золота, запечатанные графы, всякий, кто осмелится спрятаться, все варвары!".

.....

PS Push Book.

1. "С начала Чанчжанпо": меня зовут Гуань Пин, я принадлежу к числу самых слабых из трех братьев-членов общины.

2. "Yu книга" более традиционной исторической фантастики, автор является домовладельцем, настойчивый император, за любовь к энергетике более чем на миллион слов, он сказал, что если книга достигает ста, будет рисовать счастливую книгу друзей, чтобы отправить около двух тысяч долларов в подарок, необязательно, наличными также линии Пойдем, посмотрим и поддержим!

<http://tl.rulate.ru/book/41393/1047044>